

СЕРГЕЙ ЗВЕРЕВ

ОПАСНЫЙ ПОПУТЧИК

МОСКВА 2024

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
3-43

Иллюстрация на обложке *Владимира Нартова*

Зверев, Сергей Иванович.
3-43 **Опасный попутчик / Сергей Зверев.** —
Москва : Эксмо, 2024. — 320 с. — (Чекисты.
Волки Сталина).

ISBN 978-5-04-199744-1

Холодной ноябрьской ночью 1933 года сотрудника оперативного отдела ОГПУ Александра Большакова вызвали на место преступления. В своем доме профессиональным ударом шила был убит объект агентурной разработки по прозвищу «Меховщик».

Оперативники выяснили, что «Меховщик» ждал прибытия важной персоны — представителя белой эмиграции, эмиссара из Парижа. Вероятнее всего эмиссар и был убийцей: на месте преступления он по неосторожности наступил в лужу крови и оставил след.

Группа ОГПУ сумела выследить подозреваемого на вокзале. «Француз» купил билет в мягкий вагон скорого поезда на Москву. И тогда срочно было принято решение: в это же купе посадить оперативника, довести шпиона до Москвы и там передать под контроль местных коллег. Но дерзкий план внезапно дал осечку...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Зверев С.И., 2023
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024
ISBN 978-5-04-199744-1

ГЛАВА 1

— Гнилой либерализм, — проворчал Палыч. — Небось и слов таких не слышал, лапоть.

— Да слышал я и не такие ругательные слова, — скучающе отозвался Вася.

К ворчанию Палыча он привык давно. Тот ворчал при каждом удобном и особенно неудобном случае. Да еще когда на дворе ноябрь, а вокруг холод, темень и сквозняки.

— Слышал он, — нахмурился Палыч. — А теперь видеть можешь... Эх, в былые времена либеральничать не стали бы. Сразу за шкуру вражью душонку да в сырой подвал. А дальше — или стенка, или сотрудничай с органами. И ведь сотрудничали!

— Или к стенке становились.

— Ну, всяко бывало, — почему-то смутился Палыч, что-то вспомнив.

А вспомнить ему было чего. В ВЧК он служил с самого дня его основания. И останавливаться не собирался, пока есть силы.

— Тебе бы все шашкой махать да в галоп, — хохотнул Вася. — А тут аккуратненько надо. С умом. Тут тебе агентурная разработка.

— Разработчики хреновы, — не остался в долгу Палыч. Ночь сегодня была особенно холодная, сквозняки особенно острые, а старший группы наружного наблюдения особо ворчлив.

— А что. Если б не разработки, кому бы мы были нужны, — резонно заметил Вася. — Служба у нас такая.

— Это у меня служба. А у тебя общественная нагрузка, — отозвался Палыч. — Типа стенгазеты.

Вася только пожал плечами. Он уже давно не обижался на такие уколы. Когда на Палыча накатывало, своих помощников он именовал исключительно общественниками. Конечно, это было не совсем так. Но доля истины в этих словах имелаась.

Оперативный отдел ОГПУ — это такая самая секретная контора. Сотрудникам его не приходится козырять мандатами и удостоверениями. Их личные дела находятся в самых потаенных уголках самых толстых сейфов. Они работают под чужими именами, по документам прикры-

ОПАСНЫЙ ПОПУТЧИК

тия, а сводки и рапорта подписывают исключительно оперативными псевдонимами, при этом подобранными довольно странно. Вон Палыч — это Маркиза, потомственный пролетарий Вася — это Монарх, а прекрасно воспитанная хрупкая Танюша из их группы — Биндюжник. Ну а как же иначе. Ведь это разведка ОГПУ. Таких еще со времен царя Гороха зовут топтунами. И задача сотрудников — быть незаметными и замечать все. Ни одна серьезная разработка не обходится без них. Установки, поисковые объектовые мероприятия — чем только не приходится заниматься группе наружки. Но самое главное — это слежка.

Ядро оперативного отдела составляет, конечно, кадровый состав ОГПУ. Но при этом масса рабочей силы, рядовых топтунов, — они из агентуры. Негласный аппарат. То есть фактически те же общественники, только на постоянном денежном довольствии. И мечта у большинства из них перевестись в штат и получать уже по полной — форму, выслугу, обмундирование. Такие агенты являлись кадровым резервом, фактически состоявшимися, проверенными в деле профессионалами.

— А вообще ты прав, щегол. Будем ждать. Будем мерзнуть. Лишь бы был результат, — буркнул Палыч.

Сколько он работает в органах, а результат — это до сих пор для него святое. Это предмет надежд и источник вдохновения. Это азарт и ликование. И сейчас надеяться на результат были все основания.

Работать с разведкой, общаться с легендированными сотрудниками, заказывать разведмероприятия могут только оперативные сотрудники от уровня полпредства. Районные окружные отделы порой вообще с трудом представляют, что такое разведка ОГПУ. На сей раз инициатором был уполномоченный Большаков. Здоровенный, лопоухий, шибко молодой, но из ранних. И при этом феноменально везучий и сильно цепкий. А результат он давал практически всегда. Поэтому Палыч по его заданиям работать любил. И был уверен, что и на этой рыбалке они непременно выудят какую-нибудь нажористую контру.

— Вон, видишь фигуру, — вдруг напрягся Палыч, будто старая гончая на охоте. — Второй раз кругаля дает, да так никуда и не заходит.

— Скорее всего, кто-то с соседних домов, — предположил Вася.

— Дрянная точка для наблюдения. Ничего не видно!

Фигура исчезла где-то во дворах.

Стихия топтуна — толпа, многолюдье, где легко затеряться, слиться с народом. А такие

ОПАСНЫЙ ПОПУТЧИК

вот места на окраинах, типа этой Разуваевки, где всего одна улица, покосившиеся дома на три окна и коровы с утра мычат — это вообще запрет на работу. Потому что засветиться здесь легче легкого. Но было очень надо. И Палыч справился. Он всегда справлялся, когда видел, что дело нацелено на результат. Нашли дощатый заброшенный сарай рядом с рекой. Оттуда открывался вид на дом скорняка, он же фигурант «Меховщик». В результате за три дня работы удалось отследить не только заказчиков на обработку шкур и шкурок, но и выявить куда более любопытные фигуры. Контрреволюционная ячейка, предводителем которой был фигурант, начинала приобретать зримые контуры. Но не это было главное. Главное — ждали гостя со стороны. Из другого мира. Эмиссара из-за линии, именуемой государственной границей СССР.

Вот только плохо, что визуально не перекрыты все подходы к дому. И не выставишься никак поближе. Но приходилось мириться с этим и исходить из того, что нормальные люди все-таки ходят по мостовой, а не по заснеженным кустам и буеракам.

Вскоре совсем стемнело. По прочно укоренившейся привычке скорняк работал по ночам. Значит, сейчас в окне дощатого одноэтажного

хлипкого домика загорится свет. И будет светить ровно до трех утра. А потом погаснет. Этот распорядок фигурант соблюдал всегда. Бывают такие сумасшедшие перфекционисты, которые живут строго по расписанию...

Волна беспокойства накатила на Палыча, когда окошко вовремя не засветилось. Что, нет скорняка дома? Тогда бы увидели, как он вышел. Установленный порядок был нарушен. А это означало нарастание каких-то событий.

— Непорядок, — произнес он.

— Может, откушал самогончику, — мечтательно произнес Вася. — Заел сальцом, — при этом он едва не причмокнул. — Да дрыхнет безмятежно, как младенец.

— Тебе бы только самогончик с салом, — буркнул Палыч. Тревога в нем все росла и уже не могла удержаться в рамках пассивности и созерцания. Она требовала выхода, действия.

— Вот что, посылай-ка Куницу, пусть слетает. Глянет, что в доме.

— Ты уверен? — с сомнением произнес Вася. — Засветимся ведь.

— Выполнять, — металлическим голосом произнес Палыч, сбрасывая мишуру и открываясь тем, кем и был — жестким чекистом, способным на отчаянный поступок и готовый костями лечь ради выполнения поставленной задачи.

ОПАСНЫЙ ПОПУТЧИК

— Есть, — кивнул Вася, понимая, что шуточки-прибауточки закончились.

Да уж, какие тут шуточки. Агент Куница, побравшись к дому, умудрился заглянуть в окно. И увидел лежащее в луже крови тело. Крови было много. А тело, как пишут в протоколах, принадлежало фигуранту «Меховщику» — в миру Парамону Кушину.

То, чего наружка боится больше всего. Чрезвычайная ситуация. Гибель объекта. И провал.

Все, здесь разведчикам больше делать нечего. Разве только негласно проконтролировать местность, пока не прибудет группа и пока инициатор мероприятий не даст распоряжение...

ГЛАВА 2

Что для солдата главное? Поспать и пожрать. А поскольку все мои лучшие сознательные годы прошли в Красной армии, то простые солдатские премудрости стали моей истинной натурой. Поэтому ел я всегда со вкусом все, что дают, а спал сладко, со всей ответственностью и добросовестностью. И при этом чутко. Способность включаться в реальность в доли секунды не раз спасала мою шкуру.

Вот и сейчас я включился моментально. И тут же осознал источник беспокойства. Кто-то

упорно трезвонил в дверь, дергал за шнурок, так что в ушах звенело. Это определенно был враг. Друг не станет будить в три часа ночи, когда сон наиболее сладок.

Сын-кроха даже не проснулся — ему на превратности внешнего мира просто плевать. Он пока что маленький, счастливый и от опасностей окружающей действительности надежно огорожен нашими родительскими заботами. Варя, измотанная тяжелой работой в клинике и учебой в мединституте, заворочалась, но тоже не проснулась. Вот умеет она спать самозабвенно и непробиваемо.

Слава богу, звонок на некоторое время заткнулся. Но зазвенит ведь вновь. И очень скоро. Надо это пресечь, пока совсем не прогнали сон из этого дома.

Я вытащил из тумбочки мой старый верный «наган». Сунул ноги в пушистые тапочки — любимые, мягкие и просто необходимые, потому что топился наш подвал с трудом, полы холодные, босиком не находишься. И устремился к двери. В комнате было сегодня особенно зябко.

— Кого черт принес? — негромко осведомился я у двери.

— Товарищ Большаков! Вас вызывают, — послышался знакомый голос бойца из коменда-

ОПАСНЫЙ ПОПУТЧИК

туры Областного полномочного представительства ОГПУ.

— Что стряслось?

— На Разуваевке кого-то порезали. Группа уже там. Только вас не хватает.

Сердце ёкнуло. Кого-то прирезали на Разуваевке... Там, вообще-то, мной выставлена группа наружного наблюдения. Неужели из наших людей кого зацепили? Но комендача об этом спрашивать бесполезно.

Оделся я быстро. Когда натягивал пальто, все же проснулась Варя. Естественно, привычно обеспокоилась и опечалилась. Пришлось ее привычно успокаивать:

— Да ничего особенного, дорогая моя. Просто кого-то где-то подрезали.

Она слегка успокоилась. Потому что привыкшая и опытная. Все же жена сотрудника ОГПУ, притом повидавшая много, не раз была на грани, втянувшись в мои чекистские забавы. И отлично знала: если кого-то подрезали, то факт уже состоялся и начинается расследование. Вот если бы какой кулацкий бунт или контрик засел во флигельке с пулеметом «максим», как в позапрошлом году — тогда да, есть смысл волноваться. А здесь она провожала меня не на бой, а всего лишь на осмотр места происшествия. Тревожиться не о чем... И все равно тревожилась. Но

виду не показывала. Лишь только тщательно поправила ворсистый шарф на моей груди:

— Смотри не застудишься. Вон холод какой.

Карету мне к подъезду не подали, жмоты. Хотя до полпредства идти минут семь-восемь быстрым шагом.

Ох и колотун сегодня. Осень скачкообразно перешла в зиму. Холодный ноябрь 1933 года. Как же мне тяжело, тепленькому, мягенькому, после пуховой постели, под порывами ледяного ветра и под гнетом неопределенности.

У полпредства уже ждал наш дежурный автобус «АМО». Около него мерзли судебный медик и криминалист — оба со своим профессиональным скарбом в объемистых саквояжах. Также мерил мостовую шагами, как тигр в клетке зоопарка, Ваня Кочетков, мой верный подчиненный, который как раз дежурил ночью этой по управлению и был в курсе агентурной разработки «Сурки».

Ждали только меня. Автобус тронулся по холодному, местами освещенному желтыми фонарями городу, казавшемуся ночью почти незнакомым. Это был не город, а какая-то декорация, ждущая своего театрального представления и публики, а сейчас совершенно пустая и безлюдная.

ОПАСНЫЙ ПОПУТЧИК

Автобус пару раз чуть не занесло на гололеде. Но до цели мы все же добрались успешно и довольно быстро. В курс дела вошли еще быстрее.

Все оказалось не так плохо, как я опасался — слава богу, никто из группы наружки не пострадал. Но вместе с тем все было куда хуже, чем должно быть. Потому как на дощатом полу в луже крови валялся объект агентурной разработки «Меховщик».

Человек на полу меньше всего походил на мастерового кустаря. Все же породу не скроешь. Телосложение худощавое, лицо породистое, удлиненное, руки хоть и мозолистые, но это не те мозоли, что нарабатываются поколениями тяжелого физического труда. Такие скорняки весьма редко встречаются. Зато подобных типов полно среди белогвардейских офицеров. Каким он, собственно, и был в свое время. Просмотрели мы, что в нашем городе свил гнездо бывший сотрудник контрразведки Врангеля. Он не только успешно скрывался под чужой фамилией, вполне качественно выполняя скорняжные работы и прославив хорошим мастером, к которому очередь. Но между обработкой шкур организовал в городе контрреволюционную ячейку из разного белогвардейского отребья и уголовного элемента.

Информация о контрреволюционной ячейке террористической и вредительской направленности поступила нам из Москвы и была получена, насколько я понял, по линии иностранного отдела. Как следовало из нее, активной деятельностью эта шайка пока не занимается. Сейчас завершается этап вербовки сторонников и укрепления структуры. К ней направляется эмиссар из самого города Парижа, формально от организации «Русь Без Хама», из белоэмигрантов и прочих радетелей за бывшее величие России. Хотя за «РБХ» сто процентов стоят разведслужбы Третьей республики. Вот нейдет все французам. Все грезят о том, что большевики падут, а на их место придут послушные и вежливые русские мусье да и вернут с процентами царские долги, а заодно отдадут и половину России в концессии.

Разработку эту мне всучил мой любимый зам-начальника полпредства Раскатов, при котором я был как бы руководителем его личной спецгруппы, эдаких гвардейцев кардинала, которым доставались самые безнадежные или особо изошренные дела. При этом поручение он сопровождал своим вечным: «Все равно ни хрена не делаешь. Хоть на Москву поработай».

Так уж у нас повелось — чем глубже утопал я в работе, тем больше, по его понятиям, «ни хрена не делал». Но я привык. Вот и из этого «ни

ОПАСНЫЙ ПОПУТЧИК

хрена неделанья» постепенно проявилась контр-революционная организация.

Хотя операция была на контроле у Москвы, но мне казалось, там не особо верили в ее успех. Видимо, информация была такая — не то чтобы ложная, но и особого доверия не вызывала. Однако все у нас получилось. Нашли мы фигуранта. Поставили его под контроль. Надеялись дождаться и французского эмиссара.

Пока эксперт с медиком возились с телом, мы с Кочетковым отошли пошептаться.

— Похоже, наружка прокололась, — негромко произнес он, ибо такое не для посторонних ушей. — Кто-то засек наблюдение. И грохнул этого сапожника.

— Скорняка, — поправил я.

— Да мне все одно! Главное, теперь не он шкуры дырявит, а его шкура пропорота.

— Думаешь, эмиссар постарался?

— Скорее всего... Могли, конечно, и свои. Или ревнивый муж какой-нибудь. Но мне кажется, все же его нашампурил какой-нибудь шустрый Д'Артаньян.

— А чего сразу убивать? — недоумевал я. — Ну срисовал наблюдение. Понял, что контакт под колпаком. Собери вещички и дуй себе до города Парижа. Зачем привлекать лишнее внимание и рисковать?

— Значит, боялся, что шкурника скорняка возьмут. И он запоет какую-то арию, какую нам слышать не надобно... И вон еще.

Кречетов провел меня в крошечную вторую комнату. На полу доски были вскрыты. Под ними был тайник — небольшой, как раз чтобы хранить бумаги и оружие. Оружие — «маузер», «беретта» и несколько пачек патронов — осталось на месте. А вот бумаги и деньги если и были, то исчезли.

Вспыхнула молния... Тьфу, какая молния. Всего лишь магниевая вспышка. Эксперт фотографировал место происшествия.

— Орудие убийства можете определить? — спросил я старомодного судебного медика с бородкой.

— Холодное оружие, — произнес медик, поднимаясь и играя пальцами в резиновых перчатках, будто собирался на месте препарировать тело. — Но не нож. На шило похоже, только очень толстое. Удар нанесен, когда жертва пребывала, скорее всего, в расслабленности и такой подлости не ждала. Удар хорошо поставленный. И очень точный. Тут такой узел, при ранении человек моментально теряет возможность двигаться и даже кричать. Болевой шок.

— Били профессионально?

— Еще как, — с уважением произнес эксперт. — Шило вообще инструмент сложный

ОПАСНЫЙ ПОПУТЧИК

в употреблении. В большинстве случаев так в тело войдет, что человек и не побеспокоится, пока внутри кровью не начнет истекать. А отключить их сразу очень тяжело. Но, обладая навыками, можно, притом очень надежно.

Вот интересно. Бой на ножах есть, даже в армии ему обучают в некоторых особо хитрых подразделениях, вроде пластунских. А где обучают бою с использованием шила? Даже хмыкнул, представив такую программу обучения.

И где нам искать этого специалиста «шилового боя»? Город больше полумиллиона человек. Транспортный центр. Народу приезжает и уезжает масса.

Пока я рассматривал место происшествия и беседовал со специалистами, Кречетов куда-то исчез. Вскоре вернулся. Поманив меня снова вдаль от посторонних ушей, порадовал новостью:

— Разведчики видели, что некто крутился на улице около дома.

— Внешность?

— Не рассмотрели в подробностях. Только фигура. Солидная такая. На медведя похож. Ну прям вылитый ты.

— Тогда похож на бегемота, — хмыкнул я.

И задумался на миг, засмотревшись на криминалиста, который как раз снимал фотоаппаратом отпечаток ботинка. Снова вспыхнул магний.

Убийца наступил в кровь. И около тайника как раз отпечаталась подошва размера так сорок четвертого. Солидная подошва. Вполне мог оставить след тот самый «бегемот».

— Неосторожно он, — отметил я. — Вань, на рисунок подошвы посмотри.

— Рисунок как рисунок.

— Встречал такой. Ботиночки «нариман». Мечта нэпмана. Дорогие, зараза.

— Точно, — подтвердил подошедший к нам криминалист. — Ботиночек московской обувной фабрики, фасон в простонародье называется «нариман». Рисунок соответствует. Щеголь. Даже галоши не надел по погоде.

— Понятно. Ботиночки со скрипом... И что это нам дает? — поинтересовался Кречетов.

— Ваня, ты подумай. Щеголь. В редкой обуви. Похож на бегемота. Покинет город в ближайшее время. Поездом, скорее всего. Вот и выstavимся по маршруту его отхода...

ГЛАВА 3

— Отпусти, мусор! Я не виновный! — послышался истошный вопль.

В чем дело? А, понятно. У рассеянного гражданина ненароком из кармана тиснули портмоне. И теперь бдительный милиционер крепко